

Бакалавр Ботатаева А.А.

К.п.с.н. доцент Никифорова О.В.

Карагандинская Академия «Bolashaq», Казахстан

Многоаспектность научных подходов в изучении социальной депривации

В современном мире социальная адаптация, включенность человека в окружающую действительность чрезвычайно важна, потому что личность принимает нормы, правила, эталоны, по которым живут люди как свои собственные. Личность овладевает механизмами социального поведения и усваивает его предписания, имеющие адаптивное значение.

Именно поэтому сегодня вот эта включенность современной личности в мир, которую мы можем считать социальной адаптацией, и вызывает интерес и острую необходимость многогранного исследования. Данный аспект нашего размышления зафиксирован на рисунке 1.

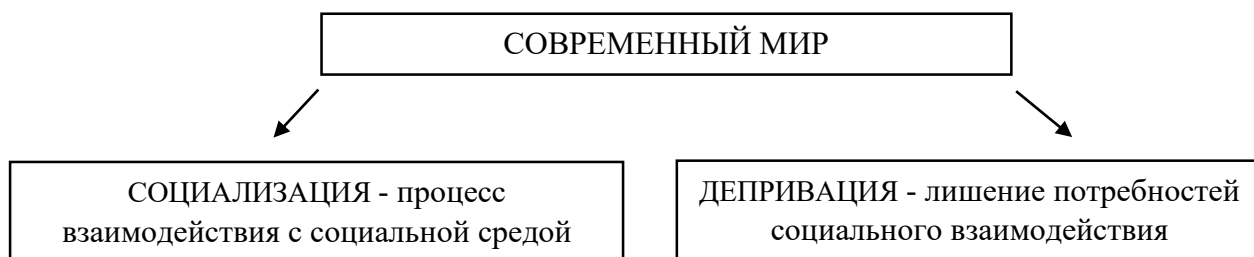

Рисунок 1. Современный мир: дифференциация социальных представлений по степени освоения реальной действительности

В соответствии с рисунком 1, то психическое состояние личности, которое лишено возможностей и потребностей социального взаимодействия с окружающей действительностью, и фиксируется как понятие «депривация». Вместе с тем понятие «социализация» – это процесс взаимодействия с социальной средой, а противоположное психическое состояние определяется лишением включенности в мир через утрату первичных генетических связей.

Для нас важным является выявление содержания понятия «депривация»- безусловно, это антипод того, что необходимо современному миру, поскольку обедняет человека, лишая его личностного проявления.

В педагогическом словаре Г.М.Коджаспировой дано такое определение: «Депривация психическая (от лат. *deprivatio* - потеря, лишение чего-либо) - психическое состояние страдания, которое возникает вследствие длительного ограничения человека в удовлетворении его основных потребностей» [1].

На наш взгляд, полное определение депривации дают Й. Лангмейер и З. Матейчек: «Психическая депривация является психическим состоянием, возникшим в результате таких жизненных ситуаций, где субъекту не предоставляется возможности для удовлетворения некоторых его основных (жизненных) психических потребностей в достаточной мере и в течение достаточно длительного времени» [2, с.30].

В конце 19 начале 20 века изучение депривации начались с появления «феномена госпитализма». После первой мировой войны при помещении младенцев в сиротский приют было отмечено, что ребёнок начинает отставать в развитии, происходит снижение уровня психической активности, он перестаёт проявлять интерес и реагировать на окружающую среду.

Первым исследователем депривации выступил английский психиатр Дж.Боулби, который обследовал шестимесечных младенцев, которые находились в учреждениях с разной степенью ухода, с разными источниками финансирования, обеспечивающих разное питание, обучение персонала [3].

Для нас важно подчеркнуть, что в контексте этих исследований учёный делает следующий вывод: госпитализм как депривационное проявление связан не с физиологическими причинами, а возникает из-за отсутствия эмоциональной вовлеченности детей в коммуникативное поведение и чувственные реакции взрослых, эмоциональное пространство происходящего [3, с.65].

Из этого, мы полагаем, следует, что развитие депривации проецирует индифферентность у ребёнка его собственных переживаний, нивелирует пристрастность отношений к событиям жизни.

Заметим, что формы депривации различны, но для полноценного развития личности наиболее опасны сенсорная, информационная, коммуникативная, эмоциональная. Именно потому, что они характеризуются «выраженными

отклонениями в когнитивном развитии – это проявляется в нарушении эмоциональных контактов, задержке в развитии речи, освоении социальных и гигиенических навыков, развитии тонкой моторики, интеллекта) [3].

Следовательно, депривация представляет собой сложное, многоаспектное явление, имеющее отношение к различным сферам человеческой жизни, и в ней различные виды депривации обычно встречаются не изолированно друг от друга, а образуют довольно сложные переплетения.

Таким образом, характер психической депривации человека определяется индивидуальными особенностями личности, а именно значимостью тех потребностей, которые подавлены, даже если находятся в одних и тех же условиях изоляции.

В контексте нашего размышления можно отметить, что люди, оказавшиеся в изоляции от общества, по-разному будут переживать данную ситуацию, и конечно же, последствия для их психики тоже будут различными.

Но вместе с тем мы считаем важным отметить, что именно эмоциональная депривация является тем пусковым психическим состоянием, которое блокирует отражение ребёнком мира в форме оценочного переживания жизненного смысла, сужая при этом его актуальную часть мира – то жизненное пространство, в котором могла бы разворачиваться его полноценная жизнь.

В образ мира ребёнка вписывается только то, что обозначают для него «эмоциональные значки значимости», которые отсылает ему воспитывающий взрослый, включая в процесс эффективного взаимодействия с социальной средой.

Данное концептуальное положение лежит в основе ряда концепций психологической депривации.

Так, Р.А. Шпица в своих исследованиях показывает, что утрата первичных генетических связей между матерью и ребёнком («материальная депривация») задерживает у ребёнка личностное развитие во всех проявлениях. Автор в своей экспериментальной работе доказывает генез взаимосвязей в диаде «мать-ребёнок» и приходит к такому выводу: «аффективная взаимность между матерью и младенцем стимулирует младенца и позволяет ему исследовать окружающий мир,

способствуя развитию моторной активности, когнитивных процессов и мышления, интеграции и формированию навыков» [4, с.95].

Значимы в контексте нашего размышления основные мысли концепции Э. Эриксона, который утверждает, что «в отношениях со взрослыми ребёнок проявляет выраженную подражательность, что является простейшей формой идентификации. Идентификационные отношения ребенка со взрослым и взрослого с ребенком готовят малыша к эмоциональной причастности к другому, к людям. На фоне идентификации у ребёнка появляется так называемое чувство доверия к людям (чувство базового доверия)...» . И важнейшим критерием доверия ребёнка к окружающим он предполагает способность младенца спокойно переносить отсутствие матери в поле зрения. Отсюда, причиной депривации потребностей ребёнка и недоверия к миру является получение в меньшей степени материнской любви и заботы от близких людей [5, с.174].

Для нас важно подчеркнуть точку зрения Дж. Боулби, который в своих трудах утверждает, что наиболее важным патогенным фактором нарушения развития личности является отсутствие материнской фигуры в период от шести месяцев до шести лет [3, с.70].

Абсолютно по-другому пытаются объяснить проблему депривации в теории учения. Основополагающим трудом в этом направлении можно считать исследования Уильяма Денниса, который в наблюдении за детьми из детских учреждений делает выводы о том, что основная причина задержки умственного развития вызвана не «материнской депривацией», а недостаточной возможностью учиться.

Нам интересна точка зрения Д. Л. Гевирца, который рассматривает сущность депривации в недостатке контакта между социально желательными реакциями и подкрепляющими стимулами. К примеру, недостаток живых улыбок у грудных детей из детских учреждений можно объяснить тем, что их спонтанные улыбки не подкрепляются (не вознаграждаются вниманием окружающих лиц) и поэтому «угасают». Угасание определенных моделей поведения в раннем детстве из-за недостатка подкрепляющих стимулов Гевирц называет «привацией». И именно

поэтому он уделяет отдельное внимание изучению влияния социальной депривации на поведение детей. [1, с.183].

В отличие от позиции Д.Л. Гевирца, Д.С. Брунер утверждает, что при депривации поражается только «более высокий» вид «когнитивного» учения. Депривированным детям недостаёт условий для развития эффективных средств мышления для решения проблем и для действенного контакта со средой: не развиваются «модели среды» (мыслительные схемы, посредством которых индивид сохраняет повторяющиеся случаи регулярности в данной среде) и «стратегия действий» (правила, необходимые для эффективного принятия решений и для направленного поведения) [1, с.183].

Данное положение подтверждают учёные С. Проувенс, Р. Липтон, Г. Шеффер, рассматривающие депривацию как результат угасания интереса и усилий, вызванных недостатком социальных стимулов, например, вследствие малого числа контактов с ребёнком со стороны окружающих взрослых [1, с.184].

В контексте наших размышлений безусловно значимой является культурно-историческую концепцию Л. С. Выготского, где развитие происходит в процессе интериоризации культурно-исторического опыта и социальных отношений. Для ребёнка взрослый – это носитель этого опыта и важный источник развития. Лишь в постоянном контакте со взрослым возможна интериоризация, как основной механизм развития. Способность ребёнка к интериоризации снижается, когда отсутствует забота со стороны взрослого – задержки развития являются результатом депривации общения и контактов с внешним миром.

Мы хотим подчеркнуть, что явление социальной депривации располагается в фокусе интереса педагогической, психологической, социологической наук. И подобное междисциплинарное исследование обозначает необходимость в знаниях о социальной депривации воспитывающими взрослыми, которые ответственны за содержание и направленность социальной представленности детей, актуализацию их потребности в личностном развитии.

Список использованной литературы:

1. Коджаспирова Г.М. Педагогический словарь. Для студ. высш. и средн. пед. учеб. заведений – М.: 2000г., 176 с.
2. Лангмейер Й, Матейчек З. Психическая депривация в детском возрасте. – Прага, Авиценум, 1984г., 334с.
3. Дж. Боулби. Создание и разрушение эмоциональных связей. 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005г., 232с.
4. Тайсон Р.Л., Тайсон Ф. Психоаналитические теории развития. – Изд-во «Деловая книга», Екатеринбург, 2006 г., 600с.
5. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития: учебник для студ. высш. учеб. заведений, 15-е изд. – М.: Академия, 2015г., 656с